

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ THEORETICAL RESEARCH

Дегуманизация: подходы к оценке не прямых предубеждений

Агадуллина Е.Р.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1505-1412>, e-mail: eagadullina@hse.ru

Цель. Представленный обзор направлен на описание и критический анализ двух наиболее популярных подходов к пониманию и операционализации понятий «человечность» и «дегуманизация» (теория инфрагуманизации и модель двойной дегуманизации).

Контекст и актуальность. Накопленные к настоящему моменту знания в области исследований предубеждений выявили две ключевые проблемы. Первая проблема связана с ограничениями существующих теорий в понимании природы предубеждений и их функционирования, а вторая — с достаточно низкой эффективностью оценки прямых предубеждений, так как все большее распространение эгалитарных установок во всем мире меняет саму систему межгрупповых отношений и способствует трансформации явных предубеждений в иные, не прямые формы выражения. Появление теорий и моделей, рассматривающих дегуманизацию как отрицание истинной человечности у определенных индивидов или групп, стало своеобразным ответом на эти проблемы. Теории дегуманизации предлагают новую концептуальную рамку для анализа межгрупповых и межличностных отношений и новые способы оценки не прямых предубеждений, которые независимы от уровня социальной желательности индивидов.

Основные выводы. Результаты теоретического анализа показали, что в психологических исследованиях «человечность» операционализируется либо через выделение уникально-человеческих эмоций и черт, отрицание которых у определенных индивидов или групп приводит к их отождествлению с животными и возникновению анималистической дегуманизации, либо через описание прототипа «человека», несоответствие которому связано с механистической дегуманизацией. Анималистическая дегуманизация чаще распространена в контексте межгрупповых отношений, а механистическая дегуманизация в большей степени относится к процессам самовосприятия. Несмотря на различия между подходами к пониманию человечности и дегуманизации, а также некоторые методологические проблемы внутри каждого из них, в современной психологической науке дегуманизация признается важным феноменом, исследование которого значительно обогащает психологическое знание и понимание закономерностей и особенностей социального познания и взаимодействия.

Ключевые слова: дегуманизация, предубеждения, эмоции, стереотипы, группы.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 19-113-50158 (Экспансия).

Для цитаты: Агадуллина Е.Р. Дегуманизация: подходы к оценке не прямых предубеждений // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 2. С. 5–22. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120201>

Dehumanization: Approaches to Indirect Prejudice

Elena R. Agadullina

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1505-1412>, e-mail: eagadullina@hse.ru

Objective. *The presented review aims to describe and critically analyze the two most popular approaches to understanding and operationalizing the concepts of “humanity” and “dehumanization” (In-frahumanization theory and Two-dimensional model of humanness).*

Background. *The studies of prejudice has identified two key problems. The first problem is associated with the limitations of existing theories in understanding the nature of prejudices, and the second – with a low efficiency of assessing blatant prejudice since an increasing spread of egalitarian attitudes in the world changes the intergroup relations and contributes to a transformation of explicit prejudices into indirect forms. The theories and models of dehumanization has become the response to these problems since they offer a new conceptual framework for the analysis of intergroup and interpersonal relationships, and new methods for assessing indirect prejudice that are independent of a social desirability.*

Conclusions. *The results of a theoretical analysis showed that in psychological studies, “humanity” is operationalized either through the unique human emotions and traits, the negation of which leads to the association between certain individuals or groups with animals and the emergence of animalistic dehumanization, or through a description of the “human” prototype, the discrepancy to which is associated with mechanistic dehumanization. Animalistic dehumanization is more common in the context of intergroup relations, and mechanistic dehumanization is more related to the processes of self-perception. Despite the contradictions between different approaches to understanding humanity and dehumanization, as well as some methodological problems within each of them, dehumanization is recognized as an important phenomenon which significantly enriches psychological knowledge and understanding of a process of social cognition and interaction.*

Keywords: *dehumanization, prejudice, emotions, groups.*

Funding. The reported study was funded by RFBR, project number 19-113-50158.

For citation: Agadullina E.R. Dehumanization: Approaches to Indirect Prejudice. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 2, pp. 5–22. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120201> (In Russ.).

Введение

Представления о том, что значит быть человеком, и в чем именно проявляется человечность, широко распространены не только в философской и религиозной литературе, но и в обыденном мышлении [39]. В обыденном языке зафиксировано множество слов и выражений, описывающих человечность не как имманентное и неизменное свойство, заданное принадлежностью к биологическому виду *homo sapiens*, а как характеристику, которую

можно утратить. Так, в процессе социального взаимодействия кто-то может «потерять человеческое лицо» или даже «оскотиниться». Иными словами, в обычных представлениях «человечность» становится понятием, определяющим степень, в которой человек (как представитель биологического вида) может быть признан человеком в контексте социальных отношений [2].

В научной литературе представление о том, что кто-то (человек или группа) не обладает истинной человечностью

или человеческой сущностью (*human essence*), называется *дегуманизацией*. На ранних этапах интереса к пониманию человечности и феномену дегуманизации последняя рассматривалась как прямое отождествление определенных групп людей с животными, которое позволяло оправдывать применение по отношению к ним крайних форм насилия (например, рабство или геноцид). Современные теории и модели дегуманизации исследуют данный феномен как тип предубеждений, который преимущественно в имплицитной форме проявляется в широком спектре социальных отношений и не ограничивается случаями агрессии и насилия по отношению к другим.

Данный обзор направлен на анализ двух наиболее известных зарубежных подходов к пониманию и операционализации дегуманизации: теории инфрагуманизации (*infracommunitarianism theory*) [47; 48] и модели двойной дегуманизации (*two-dimensional model of humanness*) [36]. В рамках анализа каждого из подходов будет описано представление о «человечности», освещена роль, которую дегуманизация играет в межгрупповых отношениях и самовосприятии, а также проанализированы способы измерения дегуманизации с обсуждением их основных достоинств и недостатков.

Теория инфрагуманизации

Представления о «человечности» и особенности подхода

Теория инфрагуманизации была предложена в начале 2000-х годов Филиппом Лейенсом с коллегами [47; 48], которые для обоснования ее основных положений использовали две базовые предпосылки. Первая предпосылка взята из эссенциального подхода к восприятию социальных

групп [62], согласно которому людей, принадлежащих к одной социальной группе, объединяют глубинные, неизменные, сущностные характеристики. По мнению Ф. Лейенса, когда речь заходит о восприятии людей (как общности), на первый план выступают те глубинные, сущностные характеристики, которые отличают их от других живых существ (прежде всего животных). Эти характеристики и определяют уникальную и неизменную «человеческую сущность».

В качестве еще одной значимой предпосылки выступает теория социальной идентичности [64] и, в частности, тезис о том, что сравнение ингруппы и аутгруппы может приводить к смещенным оценкам обеих групп (например, ингрупповому фаворитизму и аутгрупповой враждебности). Авторы предположили, что оценочные смещения могут возникать в том числе и при оценке «человечности» группы, так что ингруппа будет в большей степени наделяться человеческой сущностью, чем аутгруппа.

Результаты кросс-культурного исследования показали, что в обыденных представлениях «человеческая сущность» описывается через три характеристики: интеллект, язык и сложные эмоции (*sentiments*) [47; 48]. Именно последние и становятся основным объектом исследования в рамках теории инфрагуманизации. Согласно представлениям авторов, эмоции по своему содержанию не зависимы от характера межгрупповых отношений и структуры общества, и, следовательно, сложные межгрупповые и социальные процессы, в которые вовлечены различные группы, не должны отражаться на оценке эмоций.

В рамках теории инфрагуманизации предполагается, что в восприятии людей все эмоции делятся на первичные, которые объединяют людей с другими живы-

ми существами (например, страх, гнев, радость), и вторичные — уникальные для людей (например, ностальгия, восхищение, смущение или угрызения совести)¹. Приписывание аутгруппе меньшего, чем ингруппе, количества вторичных эмоций (при отсутствии различий в приписывании первичных эмоций) авторы назвали *инфрагуманизацией*. По своей сути инфрагуманизация является предубеждением, основанным на отрицании «человечности» аутгруппы. Результаты экспериментов демонстрируют, что инфрагуманизация, в отличие от прямых форм предубеждений, не подвержена тенденции социальной желательности и не зависит от инструкции испытуемым быть менее или более предубежденными, так как она является *непрямым* (часто неосознаваемым) предубеждением [26].

Одним из ключевых отличий теории инфрагуманизации от других подходов к межгрупповым отношениям и, прежде всего, от теории социальной идентичности является тезис о том, что позитивное предубеждение в пользу ингруппы может возникать не только на основании приписывания позитивных характеристик (как в случае с ингрупповым фаворитизмом). Атрибуция ингруппе большего количества негативных уникально-человеческих эмоций также будет свидетельствовать о позитивном смещении в пользу своей группы и об инфрагуманизации аутгруппы, так как вторичные эмоции любой валентности отличают человека от животного. По мнению Н. Хаслама и С. Лоугхана [40], подход к пониманию предубеждений, который предполагает, что атрибуция ингруппе негативных ха-

рактеристик также может быть примером позитивного смещения в ее пользу, существенно расширяет возможности анализа межгрупповых отношений, так как позволяет под новым углом взглянуть на целый ряд межгрупповых феноменов.

Не менее важно, что инфрагуманизация является феноменом, который можно зафиксировать только при сравнении групп (в частности, ингруппы и аутгруппы). При этом приписывание ингруппе большего количества вторичных эмоций автоматически предполагает, что аутгруппа, с которой проводилось сравнение, инфрагуманизируется, то есть ее члены воспринимаются как не в полной мере обладающие «человеческой сущностью». Таким образом, инфрагуманизация представляет собой сразу и позитивное предубеждение по отношению к своей группе, и негативное — по отношению к аутгруппе, что также отличает ее от ингруппового фаворитизма, который может быть не зависим от группового сравнения и не обязательно сопровождается аутгрупповой враждебностью [11; 73].

А вот объединяет эти два феномена значение уровня идентификации с группой. Исследования показывают, что проявление инфрагуманизации связано со степенью, в которой идентичность с конкретной группой является значимой частью Я-концепции индивида [25; 31]. В случае высокой идентификации индивиды демонстрируют тенденцию максимально защищать «человечность» своей группы, в том числе за счет исключения из группы людей, которые могут как-то ее «скомпрометировать» (например, через внешнее сходство с приматами) [14].

¹ Важно еще раз подчеркнуть, что в данном случае речь идет именно о восприятии эмоций как в большей или меньшей степени уникально-человеческих, а не о том, что существует биологическое разделение на первичные и вторичные эмоции, описанные в ряде работ [52]. Использование идентичной терминологии в разных концепциях не должно вводить читателя в заблуждение.

Инфрагуманизация в межгрупповых отношениях

За время существования теории инфрагуманизации данный феномен был зафиксирован в отношении этнических и расовых групп [24; 31; 55], гендерных групп [72], людей с физическими или психологическими особенностями [9; 15], религиозных групп [65], профессиональных групп [43], возрастных групп [10] и футбольных фанатов [18; 51].

В контексте различных межгрупповых отношений отрицание человечности аутгруппы связано с широким перечнем предрассудков и дискриминационных стратегий. В частности, инфрагуманизация уменьшает сочувствие к жертвам, если они являются членами аутгруппы [16; 17]; готовность помочь аутгруппе в чрезвычайной ситуации [22]; готовность простить аутгруппу за причинение вреда ингруппе [61; 74]; поддержку автономии аутгруппы [59]; при этом она увеличивает восприятие аутгруппы как угрожающей ценностям ингруппы [58], а также связана с одобрением насилия по отношению к аутгруппе [54].

Столь широкий перечень негативных последствий инфрагуманизации связан с тем, что отрицание человечности у членов аутгруппы (через уподобление их животным) способствует вынесению их за пределы тех границ, в рамках которых действуют нормы морали и справедливости, что в результате уменьшает вероятность того, что члены аутгруппы будут вызывать чувство сопереживания или сострадания [4].

Несомненно, значимый вклад в распространение инфрагуманизации вносит также и тот факт, что это не прямое предубеждение, которое достаточно сложно распознать, чтобы как-то сознательно противостоять его проявлениям. Приписывая группам различные эмоции, индивиды

могут просто не задумываться о том, что таким образом они выражают свое имплицитное отношение, которое может иметь серьезные последствия для дальнейших социальных суждений и действий.

Дискуссионные вопросы теории

Один из ключевых вопросов, возникающих в отношении теории инфрагуманизации, связан с ролью первичных эмоций. Авторы упоминают, что инфрагуманизация возникает в том случае, когда различия в приписывании вторичных эмоций есть, а первичных — нет [46]. При этом на эмпирическом уровне исследователи часто пренебрегают различиями в атрибуции первичных эмоций, акцентируя свое внимание только на вторичных эмоциях [например, 16]. Кроме того, часто возникает путаница и недопонимание в интерпретации результатов, связанных с особенностями атрибуции первичных эмоций. Отсутствие в теории инфрагуманизации четкого определения роли первичных эмоций, а также возможных интерпретаций различий в их приписывании ингруппе и аутгруппе существенно затрудняет понимание результатов исследований, проведенных в рамках данной теории.

Еще один спорный вопрос связан с тезисом о возможности зафиксировать инфрагуманизацию только в контексте сравнения ингруппы и аутгруппы [46]. Опираясь в этом тезисе на теорию социальной идентичности, авторы значительно сужают возможности понимания эффекта инфрагуманизации. Авторами предполагается, что инфрагуманизируется та группа, которой приписывается меньшее количество вторичных эмоций, следовательно, в контексте межгрупповых отношений исследование данного эффекта может быть расширено до сравнения любых групп (а не только ингруп-

пы и аутгруппы). Кроме того, Б. Кортес с коллегами продемонстрировали, что эффект инфрагуманизации также может возникать и при сравнении себя с ингруппой (которая в меньшей степени инфрагуманизируется, чем человек) и аутгруппой (которая в соответствии с классическим эффектом инфрагуманизируется сильнее) [18].

И, наконец, существует вопрос о роли статуса групп в возникновении эффекта инфрагуманизации. Согласно теоретическим представлениям авторов, инфрагуманизация не должна зависеть от статуса ингруппы и аутгруппы, так как сами по себе эмоции не связаны со структурой общества [46]. При этом ряд исследований демонстрирует, что группы с высоким статусом в большей степени инфрагуманизируют группы с низким статусом [13; 30; 55], а группы с низким статусом демонстрируют обратную тенденцию, приписывая аутгруппе больше вторичных эмоций [55; 61]. В контексте теории инфрагуманизации эти результаты не могут найти объяснения, так как противоречат базовой предпосылке о позитивном смещении оценок в пользу своей группы. При этом они достаточно хорошо согласуются с теорией оправдания системы Дж. Джоста, согласно которой группы, обладающие низким социальным статусом, часто демонстрируют аутгрупповой фаворитизм (предпочтение групп с более высоким статусом) [44]. Такое оценочное смещение поддерживается готовностью оправдывать существующую социальную систему (а следовательно, и свое место в ней), воспринимая ее как справедливую и разумную. Если принять во внимание, что инфрагуманизация может выступать своеобразным механизмом, объясняющим, почему те или иные группы должны занимать определенное место в обществе (например, люди долж-

ны иметь высокий статус, а животные и те, кто похож на них, — низкий), то результаты о связи статуса групп с инфрагуманизацией выглядят достаточно последовательными и логичными.

Измерение инфрагуманизации и методологические вопросы

Традиционно эффект инфрагуманизации исследуется через приписывание первичных и вторичных эмоций различной валентности ингруппе и аутгруппе, и именно с данной методологией и связаны основные трудности измерения инфрагуманизации.

Прежде всего, основываясь на высказываниях авторов и различных эмпирических результатах, можно утверждать, что атрибуция эмоций разной валентности приводит не только к возникновению эффекта инфрагуманизации, но также может способствовать возникновению целого ряда дополнительных эффектов. В частности, в одной из своих работ Ф. Лейенс с коллегами высказали предположение, что если ингруппе будет приписываться больше вторичных эмоций и первичных *положительных* эмоций, чем аутгруппе, то второй паттерн может быть рассмотрен как проявление ингруппового фаворитизма (сосуществующего с эффектом инфрагуманизации) [47]. В другой своей работе авторы отметили, что если индивиды приписывают группе больше любых эмоций (вне зависимости от их типа и валентности), то это может свидетельствовать о существовании определенного стереотипа об общей эмоциональности группы [46]. Кроме того, так как атрибутируются эмоции разной валентности, вполне вероятно возникновение эффектов позитивной или негативной валентности (когда в целом любая позитивная или негативная информация в большей степени влияет на

формирование суждения) [7; 67]. В результате в каждом конкретном случае необходимо четко понимать, какой именно эффект фиксируется при атрибутировании эмоций. И, конечно, отдельное значение приобретает анализ факторов, которые способствуют возникновению именно инфрагуманизации, а не какого-либо другого эффекта.

Далее, П. Бейл с коллегами в кросс-культурном исследовании показали, что существует большая культурная вариативность при восприятии эмоций как первичных или вторичных [3]. Следовательно, для изучения инфрагуманизации в ранее не исследованных культурах требуется предварительно определить список релевантных эмоций. Для определения списка эмоций, воспринимаемых как первичные и вторичные в российском контексте, Е. Агадуллина с коллегами [1] провели исследование, результаты которого продемонстрировали, что радость, удовольствие и интерес воспринимаются россиянами как первичные положительные эмоции; гнев, раздражение и ярость — как первичные негативные эмоции; вдохновение, воодушевление и энтузиазм — как вторичные положительные эмоции; и, наконец, разочарование, сожаление и опустошение — как вторичные отрицательные эмоции. Данные эмоции могут быть использованы для оценки эффекта инфрагуманизации на российской выборке при условии контроля других потенциальных эффектов.

Модель двойной дегуманизации

Представления о «человечности» и особенности модели

Ник Хаслам с коллегами расширили понимание «человечности», предложенное в теории инфрагуманизации, пред-

положив, что характеристики, которые описывают человеческую уникальность, могут отличаться от характеристик, описывающих человеческую сущность [41].

Для проверки этого предположения авторы предложили участникам исследования оценить 80 личностных черт по двум параметрам: насколько каждая черта уникальна для человека (не относится к другим живым существам), и насколько она описывает человеческую сущность (типична для большинства людей) [38]. Как и ожидалось, личностные черты объединились в два слабо связанных между собой представления о «человечности», существование которых дополнительно было подтверждено в кросс-культурном исследовании, проведенном в Австралии, Японии и Корее [57].

Первое представление описывает «человеческую уникальность» (*human unique*), и в него входят такие черты, как вежливость, утонченность, моральная чувствительность, рациональность, зрелость и т.д. По мнению респондентов, человеческую уникальность описывают черты, которые связаны с культурой и цивилизованностью (в широком понимании человеческого прогресса), не являются универсальными (то есть в разной степени встречаются у представителей разных культур и социальных групп) и формируются в процессе развития [38]. Связь представлений о человеческой уникальности с культурой дополнительно продемонстрировали в своих экспериментах Дж. Вайес с коллегами: когда респонденты думали о смерти, они в большей степени приписывали своей группе уникально-человеческие черты, так как вера в то, что через эти черты ингруппа связана с культурой и, следовательно, с «бессмертным» культурным наследием, позволяла им легче совладать с мыслью о том, что смерть неизбежна [68].

Вера в то, что кто-то лишен уникальных человеческих черт, приводит к восприятию его как лишённого самоконтроля, воспитания и рациональности субъекта, чье поведение в большей степени управляется инстинктами и желаниями, а не интеллектом и культурными нормами. Иными словами, человек приравнивается к животному, то есть происходит анималистическая дегуманизация (*animalistic dehumanization*) [36; 41]. Изучение феномена антропоморфизма животных (наделение их «человечностью») показало, что он основывается именно на приписывании уникально-человеческих черт [8]. Сравнение человека с животным часто приводит к потере в воспринимаемом статусе, которое может воплощаться в неуважении, снисходительности, отказе в автономии или обращении с дегуманизированными людьми как безнадежными и глупыми. Данный тип отрицания человечности, по сути, является аналогом эффекта инфрагуманизации, так как в обоих случаях человечность выстраивается через противопоставление животным, которое основывается либо на эмоциях, либо на чертах и характеристиках человека.

Второе представление описывает «человеческую природу» (*human nature*) и чаще всего включает такие черты, как эмоциональный, любопытный, открытый новому опыту, активный и т.д. Согласно результатам исследований, эти черты воспринимаются как сущностные (врожденные, заданные природой и неизменные), универсальные, распространенные (типичные для большинства), а также они рано проявляются в процессе развития [38; 57]. Отрицание у человека черт, характеризующих человеческую природу, приводит к восприятию его как холодного, равнодушного и пассивного, то есть к механистической дегуманизации (*mechanistic dehumanization*) [41].

Важным моментом для правильного понимания модели двойной дегуманизации является тот факт, что оба описанных представления о человечности выделяются по разным основаниям. В отличие от анималистической дегуманизации, предполагающей прямое противопоставление человека и животных, механистическая дегуманизация не имеет эксплицитного объекта противопоставления. Используемый авторами термин «механистическая» может вводить в заблуждение, вызывая ассоциации между человеком и неодушевленными предметами, механизмами или роботами. В реальности же авторы предполагают, что иногда в случае механистической дегуманизации действительно может возникать имплицитное (плохо осознаваемое) противопоставление с неживыми объектами, но в целом черты, характеризующие человеческую природу, скорее описывают прототип «человека», чем его отличия от других видов и объектов [2]. Не менее важно, что некоторые типично-человеческие черты (например, активность или эмоциональность) в обыденных представлениях могут объединять людей с животными, акцентируя эволюционную преемственность между ними [36], что еще раз подчеркивает непродуктивность прямого противопоставления с неодушевленными предметами в случае механистической дегуманизации.

Исследования показывают, что анималистическая и механистическая дегуманизация могут представлять собой не прямые предубеждения как в отношении стигматизированных групп, прямые предубеждения к которым невозможно продемонстрировать в силу распространения эгалитарных установок [33], так и по отношению к группам, которые обычно не являются объектами предубеждений (на-

пример, нейтральные профессиональные категории: артисты, бизнесмены) [49].

В целом анималистическая и механистическая дегуманизация приводят к большой готовности причинить вред другим. Например, дегуманизированные женщины чаще становятся жертвами физического и сексуального насилия, в том числе и потому, что нападающие не верят в способность таких женщин испытывать реальную боль [53]; дегуманизация отрицательно связана с поддержкой политики возмещения ущерба пострадавшей группе [76], с готовностью дать возможность реабилитироваться людям, совершившим нежелательный поступок [6; 73], и поддержать социальную политику, направленную на уменьшение социального и экономического неравенства между группами [66].

Дегуманизация в межгрупповых и межличностных отношениях

В связи с тем, что анималистическая и механистическая дегуманизация имеют разные основания, они в разной степени распространены при межгрупповых сравнениях и самовосприятии.

Исследования показывают, что в межгрупповом контексте чаще используется анималистическая дегуманизация, так как она способствует выстраиванию иерархических отношений между группами. К. Костелло и Г. Ходсон эмпирически продемонстрировали, что анималистическая дегуманизация зависит от антропоцентрических установок и веры в то, что человек — это «венец природы» [19; 20]. В результате анималистическая дегуманизация позволяет не просто обосновать негативное отношение к определенной группе, но и подчеркнуть существующий статус-кво, в котором люди, приравненные к животным, находятся на низшей ступени социальной иерархии. Закрепле-

нию социальной дистанции между дегуманизированными и не дегуманизированными группами также способствует чувство отвращения, которое возникает из-за того, что животные часто ассоциируются с грязью и воспринимаются как источники или разносчики «заразы» [12; 23]. Отвращение является той эмоцией, которая позволяет максимально дистанцироваться от группы и тем самым защитить себя от потенциальных угроз (физических (заражение) и/или социальных (потеря статуса из-за взаимодействия со стигматизированной группой)) [32; 63]. Так как анималистическая дегуманизация закрепляет низкий статус, она в большей степени распространена в отношении расовых групп (например, широко описанная метафора «Negroes-apes») [33], людей с психическими заболеваниями и особенностями [15] и других групп с низким социальным статусом [34].

Механистическая дегуманизация в значительно меньшей степени связана с потерей статуса. В частности, механистически дегуманизированные группы (например, японцы [70], различные профессиональные группы [66]) часто соответствуют групповым стереотипам, включающим представления о высокой компетентности и низком тепле. В связи с тем, что компетентность в обыденных представлениях ассоциируется с высоким статусом [28], механистическая дегуманизация очень мало говорит нам об иерархических отношениях между группами. Кроме того, она не связана с групповыми эмоциями, направленными на увеличение дистанции между группами, а скорее ассоциируется со страхом, что «холодные и компетентные» люди могут нанести вред [32].

При этом механистическая дегуманизация играет ключевую роль в ситуации самовосприятия. В своих работах

Н. Хаслам с коллегами описали эффект самогуманизации — преувеличения собственной «человечности» по сравнению с другими людьми [37; 38]. Согласно результатам исследований, самогуманизация не связана с самооценкой людей, социальной желательностью и эффектом самосовершенствования, то есть является независимым феноменом [38]. Как уже упоминалось выше, типично-человеческие черты описывают прототип «человека», следовательно, преувеличение данных черт у себя способствует повышению собственной прототипичности, а также реализации потребности в принадлежности, что благотворно сказывается на субъективном благополучии человека. Кроме того, П. Коваль с коллегами показали, что в ситуациях, когда человеку необходимо совладать с мыслью о том, что он или его группа могут обладать не только позитивными, но и негативными чертами, степень типичности негативных черт преувеличивается. В частности, если негативная черта рассматривается как универсальная и широко распространенная среди людей, ее наличие делает индивида «всего лишь человеком», а не «плохим человеком», заслуживающим порицания и негативной оценки [45].

Важно, что в определенных условиях, например, в ситуации остракизма (социального исключения из значимой группы) [5], отсутствия уважения со стороны членов группы [60] или негативного социального сравнения с релевантной и значимой группой [37] может наблюдаться обратный эффект, при котором люди дегуманизируют себя. Самодегуманизация является результатом негативных социальных отношений, которые приводят к тому, что человек не может реализовать потребность в социальном принятии и принадлежности. Эффекты самогуманизации и самодегуманизации крайне редко

проявляются на примере уникально-человеческих черт, что еще раз подчеркивает различия в основаниях и функционировании разных типов дегуманизации.

Дискуссионные вопросы модели

Наиболее дискуссионный вопрос в отношении модели двойной дегуманизации связан с соотношением разных представлений о «человечности» с измерениями стереотипов, представленными в рамках модели содержания стереотипов [21; 26; 28]. В соответствии с данной моделью групповые стереотипы отличаются друг от друга в измерениях «тепло» (степень просоциальности) и «компетентность» (способность достичь целей). Исследователи продемонстрировали, что в некоторых случаях разные представления о человечности могут быть рассмотрены как измерения стереотипов: в частности, отрицание типично-человеческих черт (механистическая дегуманизация) будет эквивалентно низкой оценке по измерению «тепло», а отрицание уникально-человеческих черт (анималистическая дегуманизация) — низкой оценке по измерению «компетентность» [49].

При этом содержательно, по мнению авторов модели двойной дегуманизации, эти конструкты все же различаются. Р. Джонс-Ламби и Н. Хаслам [приводится по 41] показали, что типично-человеческие черты объединяют в себе оба измерения, и в подтверждение этому механистическая дегуманизация отрицательно коррелирует с оценками «теплоты» и «компетентности» [41]. А вот анималистическая дегуманизация связана только с оценками компетентности, в частности, чем она меньше, тем большая компетентность приписывается группе (для оценки «теплоты» такой закономерности выявлено не было) [70]. В целом различия или сходства между конструк-

тами в каждом конкретном случае будут связаны с тем, через какие именно характеристики операционализируют разные представления о человечности и измерении стереотипов.

Еще один дискуссионный момент связан с особенностями восприятия «уникальности» и «типичности». Большинство исследований, проведенных с использованием модели двойной дегуманизации, в качестве объекта для атрибуции типично- и уникально-человеческих черт использовали различные аутгруппы. При этом основная проблема заключается в том, что степень «человечности» характеристики может меняться в зависимости от того, ингруппе или аутгруппе она приписывается. В частности, исследования показывают, что одна и та же характеристика воспринимается как более «человеческая», если она приписывается ингруппе, и как менее «человеческая», если она приписывается аутгруппе [69]. М. Паладино и Г. Вайес выявили, что слова, которые в большей степени ассоциируются с человеком, также сильнее связаны с ингруппой, чем с аутгруппой [56], и разные ингруппы всегда дегуманизируются меньше по сравнению с аутгруппами [70]. Все эти факты, прежде всего, говорят о том, что дегуманизация может быть напрямую связана с эффектами групповой принадлежности, но на данном этапе развития модели двойной дегуманизации они практически не принимаются в расчет.

Измерение дегуманизации и методологические вопросы

В психологической литературе существуют два наиболее распространенных способа измерить анималистическую и механистическую дегуманизацию. Первый основан на прямом соотношении индивида/группы со словами, ассоции-

рующимися с культурой и природой или животными и неодушевленными предметами (*metaphor-based approach*) (например, [71]), а второй — на приписывании индивиду/группе определенных черт/характеристик (*attribute-based approach*) (например, [53]). Экспериментальное сравнение двух способов измерения дегуманизации показало, что они связаны друг с другом, более того, использование определенной метафоры влияет на атрибуцию соответствующих характеристик и наоборот [50].

Основная проблема первого способа измерения дегуманизации заключается в том, что анималистические метафоры могут быть разделены на те, использование которых связано с демонстрацией чувства отвращения и неприязни (например, «грязный как свинья»), и те, которые свидетельствуют об отрицании человечности (например, «глупый как осел») [42]. Кроме того, группы часто сами выбирают различные анималистические метафоры для того, чтобы описать себя (например, эмблемы и талисманы спортивных команд), и в данном случае сравнение ингруппы с каким-то животным не будет свидетельствовать о самодегуманизации, а скорее наоборот, будет призвано подчеркнуть уникальность группы (через создание ее символа). Таким образом, не любая анималистическая метафора позволит зафиксировать факт дегуманизации. Не меньше проблем возникает и при использовании механистических метафор. Как уже упоминалось выше, механистическая дегуманизация не имеет эксплицитного объекта противопоставления [47], а, следовательно, любые подобранные метафоры могут быть неточны и не позволять сделать обоснованный вывод о данном типе дегуманизации.

Второй способ оценки дегуманизации также имеет свои ограничения. Прежде

всего, некоторые характеристики воспринимаются сразу и как типичные, и как уникальные для людей (например, интеллект). Действительная дифференциация двух типов дегуманизации возможна лишь в том случае, если такие характеристики не будут использоваться при оценке групп. К сожалению, в представленных на сегодняшний день результатах этот момент практически не контролируется.

Не менее важно, что представление о том, какие именно характеристики описывают разное понимание человечности, культурно-специфично и зависит от конкретного социального и исторического контекста, объединяющего людей внутри одной страны. В частности, наибольшие отличия в восприятии уникальных и типичных человеческих черт и характеристик можно наблюдать между странами с индивидуалистскими и коллективистскими культурами. В последних представлении о человечности в большей степени включает в себя особенности взаимодействия с другими людьми и вовлеченность в группу [3]. Следовательно, как и в случае с измерением инфрагуманизации, для измерения анималистической и механистической дегуманизации в новых культурах (например, в России, где ранее такие исследования не проводились) требуется предварительное исследование для составления списка типичных и уникальных человеческих характеристик, релевантных для определенного социального и культурного контекста.

Заключение

Представленный обзор продемонстрировал, что существующие подходы к операционализации человечности

подчеркивают, что дегуманизация (как отрицание истинной человечности у человека или группы) является широко распространенным феноменом, который проявляется не только в ситуациях крайней антипатии и агрессии по отношению к другим, но и пронизывает повседневную жизнь людей.

Ключевое отличие данных подходов связано с ответом на вопрос о том, как можно операционализировать человечность. По мнению Ф. Лейенса, человеческая сущность может быть описана через уникальные характеристики, отличающие людей от животных, а Н. Хаслама предположил, что человеческая сущность включает в себя типичные человеческие характеристики, описывающие прототип человека. Осознание данного различия в понимании человеческой сущности не делает один подход лучше другого, а должно способствовать лучшему пониманию, корректной интерпретации и сравнению между собой результатов, полученных в разных подходах к изучению дегуманизации.

Несмотря на относительную «молодость» обозначенных подходов и некоторые методологические и теоретические проблемы внутри каждого из них, для современной психологической науки уже сейчас очевидно, что «человечность» как категория психологического анализа и отрицание человечности (дегуманизация) как один из возможных механизмов регуляции межличностных и межгрупповых отношений значительно обогащают психологическое знание и понимание закономерностей и особенностей социального познания и взаимодействия.

Круг исследовательских вопросов, который был поднят в исследованиях дегуманизации, выходит далеко за границы изучения предубеждений. В частности, дегуманизация изучается в контексте

имплицитных и эксплицитных способов измерения отношений и представлений, вопросов самовосприятия и самоотношения, культурной специфичности стереотипов, особенностей социальной категоризации и многих других.

Для будущих исследований дегуманизации продуктивно концентрироваться не только на разрешении методологических проблем теории инфрагуманизации и модели двойной дегуманизации, но также на проработке новых подходов к пониманию «человечности». Так, противопоставление человека и животных и рассмотрение анималистической дегуманизации как основания для враждебного и агрессивного поведения по отношению к аутгруппе может быть не всегда продуктивно. Известны случаи, когда благотворительные фонды и акции, направленные на поддержку и спасение различных животных, собирают значительно больше пожертвований, чем фонды, занимающиеся помощью бездомным. Владельцы домашних питомцев тратят большие деньги на поддержание здоровья и благополучия своих любимцев. Очевидно, что взаимоотношения между людьми и животными сложнее простого их противопоставления.

Уже сейчас существуют отдельные попытки рассматривать «человечность» через теории разума (*mind theory*), операционализируя данное понятие через атрибуцию человеку различных психи-

ческих процессов и состояний (например, [37]), или через характеристики активности (*agency*) и коммуникативности (*communion*) [29]. Кроме того, возможна не только «уничжительная», но и «возвеличивающая» дегуманизация, когда человек наделяется сверхчеловеческими способностями или обожествляется. Исследования такого типа дегуманизации могут значительно расширить понимание многих социальных феноменов (например, фанатство, когда объект обожания кажется настолько идеальным, что ему не позволено совершать ошибки, которые легко прощаются «обычному» человеку), а также способствовать развитию других направлений исследований, связанных с пониманием феноменов антропоморфизма и антропоцентризма.

Хотя многое уже сделано на пути лучшего понимания представлений о человечности и роли отрицания человечности в межличностных и межгрупповых отношениях, исследователям еще только предстоит ответить на огромное количество вопросов, связанных с феноменом дегуманизации и условиями его проявления. Очевидно, что в ближайшие годы интерес к исследованиям дегуманизации будет только усиливаться, и впереди исследователей ждут интересные находки и открытия, которые позволят по-новому взглянуть на многие социальные процессы и феномены.

Литература / References

1. *Agadullina E.R., Gulevich O.A., Terskova M.A.* Primary and secondary emotions as an instrument to measure implicit prejudice // Research Paper No. WP BRP 110/PSY/2019. 2019. URL: <https://ssrn.com/abstract=3495082>
2. *Bain P.* The structure and content of the human category, and its implications for understanding dehumanization // *Humanness and Dehumanization* / In P.G. Bain, J. Vaes, J. Leyens, J. (Eds.). Routledge, 2014. P. 227–255.
3. *Bain P., Vaes J., Kashima Y., Haslam N., Guan Y.* Folk conceptions of humanness: Beliefs about distinctive and core human characteristics in Australia, Italy, and China // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2012. Vol. 43. № 1. P. 53–58. DOI:10.1177/0022022111419029

4. *Bandura A., Barbaranelli C., Caprara G.V.* Mechanisms of moral disengagement in the exercise of moral agency // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1996. Vol. 71. № 2. P. 364–374. DOI:10.1037/0022-3514.71.2.364
5. *Bastian B., Haslam N.* Excluded from humanity: The dehumanizing effects of social ostracism // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2010. Vol. 46. № 1. P. 107–113. DOI:10.1016/j.jesp.2009.06.022
6. *Bastian B., Laham S.M., Wilson S., Haslam N., Koval P.* Blaming, praising, and protecting our humanity: The implications of everyday dehumanization for judgments of moral status // *British Journal of Social Psychology*. 2011. Vol. 50. № 3. P. 469–483. DOI:10.1348/014466610X521383
7. *Baumeister R.F., Bratslavsky E., Finkenauer C., Vohs K.D.* Bad is stronger than good // *Review of General Psychology*. 2001. Vol. 5. № 4. P. 323–370. DOI:10.1108/LODJ-09-2014-0191
8. *Beatson R., Loughnan S., Halloran M.* Attitudes toward animals: The effect of priming thoughts of human-animal similarities and mortality salience on the evaluation of companion animals // *Society and Animals*. 2009. Vol. 17. № 1. P. 72–89. DOI:10.1163/156853009X393774
9. *Betancor Rodríguez V., Ariño Mateo E., Rodríguez-Pérez A., Rodríguez N.D.* Do they feel the same as us? The infrahumanization of individuals with Down syndrome // *Psicothema*. 2016. Vol. 28. № 3. P. 311–317. DOI:10.7334/psicothema2016.10
10. *Boudjemadi V., Demoulin S., Bastart J.* Animalistic dehumanization of older people by younger ones: Variations of humanness perceptions as a function of a target's age // *Psychology and Aging*. 2017. Vol. 32. № 3. P. 293–306. DOI:10.1037/pag0000161
11. *Brewer M.B.* The psychology of prejudice: Ingroup love or outgroup hate? // *Journal of Social Issues*. 1999. Vol. 55. № 3. P. 429–444. DOI:10.1111/0022-4537.00126
12. *Buckels E.E., Trapnell P.D.* Disgust facilitates outgroup dehumanization // *Group Processes and Intergroup Relations*. 2013. Vol. 16. № 6. P. 771–780. DOI:10.1177/1368430212471738
13. *Capozza D., Andrighetto L., Di Bernardo G.A., Falvo R.* Does status affect intergroup perceptions of humanity? // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2012. Vol. 15. № 3. P. 363–377. DOI:10.1177/1368430211426733
14. *Capozza D., Boccato G., Andrighetto L., Falvo R.* Categorization of ambiguous human/ape faces: Protection of ingroup but not outgroup humanity // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2009. Vol. 12. № 6. P. 777–787. DOI:10.1177/1368430209344868
15. *Capozza D., Di Bernardo G.A., Falvo R., Vianello R., Cal L.* Individuals with intellectual and developmental disabilities: Do educators assign them a fully human status? // *Journal of Applied Social Psychology*. 2016. Vol. 46. № 9. P. 497–509. DOI:10.1111/jasp.12377
16. *Castano E., Giner-Sorolla R.* Not quite human: Infrahumanization in response to collective responsibility for intergroup killing // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2006. Vol. 90. № 5. P. 804–818. DOI:10.1037/0022-3514.90.5.804
17. *Čehajić S., Brown R., Gonzalez R.* What do I care? Perceived ingroup responsibility and dehumanization as predictors of empathy felt for the victim group // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2009. Vol. 12. № 6. P. 715–729. DOI:10.1177/1368430209347727
18. *Cortes B.P., Demoulin S., Rodriguez R.T., Rodriguez A.P., Leyens J.-P.* Infrahumanization or familiarity? Attribution of uniquely human emotions to the self, the ingroup, and the outgroup // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2005. Vol. 31. № 2. P. 243–253. DOI:10.1177/0146167204271421
19. *Costello K., Hodson G.* Exploring the roots of dehumanization: The role of animal–human similarity in promoting immigrant humanization // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2010. Vol. 13. № 1. P. 3–22. DOI:10.1177/1368430209347725
20. *Costello K., Hodson G.* Lay beliefs about the causes of and solutions to dehumanization and prejudice: do nonexperts recognize the role of human-animal relations? // *Journal of Applied Social Psychology*. 2014. Vol. 44. № 4. P. 278–288. DOI:10.1111/jasp.12221

21. *Cuddy A.J.C., Fiske S.T., Glick P.* Warmth and competence as universal dimensions of social perception: The Stereotype content model and the BIAS map // *Advances in Experimental Social Psychology*. 2008. Vol. 40. № 7. P. 61–149. DOI:10.1016/S0065-2601(07)00002-0
22. *Cuddy A.J.C., Rock M.S., Norton M.I.* Aid in the aftermath of Hurricane Katrina: Inferences of secondary emotions and intergroup helping // *Group Processes and Intergroup Relations*. 2007. Vol. 10. № 1. P. 107–118. DOI:10.1177/1368430207071344
23. *Curtis V., Barra M.De, Auinger R.* Disgust as an adaptive system for disease avoidance behaviour // *Philosophical Transactions of the Royal Society*. 2011. Vol. 366. № 1563. P. 389–401. DOI:10.1098/rstb.2010.0117
24. *Dalsklev M., Kunst J.R.* The effect of disgust-eliciting media portrayals on outgroup dehumanization and support of deportation in a Norwegian sample // *International Journal of Intercultural Relations*. 2015. Vol. 47. P. 28–40. DOI:10.1016/j.ijintrel.2015.03.028
25. *Demoulin S., Cortes B.P., Viki T.G., Rodriguez A.P., Rodriguez R.T., Paladino M.P., Leyens J.* The role of in-group identification in infra-humanization // *International Journal of Psychology*. 2009. Vol. 44. № 1. P. 4–11. DOI:10.1080/00207590802057654
26. *Eyssele F., Ribas X.* How to be good (or bad): On the fakeability of dehumanization and prejudice against outgroups // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2012. Vol. 15. № 6. P. 804–812. DOI:10.1177/1368430212447204
27. *Fiske S.T., Cuddy A.J.C., Glick P.* Universal dimensions of social cognition: warmth and competence // *Trends in Cognitive Sciences*. 2007. Vol. 11. № 2. P. 77–83. DOI:10.1016/j.tics.2006.11.005
28. *Fiske S.T., Cuddy A.J.C., Glick P., Xu J.* A model of (often mixed) stereotype content: Competence and warmth respectively follow from perceived status and competition // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2002. Vol. 82. № 6. P. 878–902. DOI:10.4324/9781315187280
29. *Formanowicz M., Goldenberg A., Saguy T., Pietraszkiewicz A., Walker M., Gross J.J.* Understanding dehumanization: The role of agency and communion // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2018. Vol. 77. № 77. P. 102–116. DOI:10.1016/j.jesp.2018.04.003
30. *Gaunt R.* Intergroup relations and the attribution of emotions: Control over memory for secondary emotions associated with ingroup or outgroup // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2002. Vol. 38. P. 508–514. DOI:10.1016/S0022-1031(02)00014-8
31. *Gaunt R.* Superordinate categorization as a moderator of mutual infrahumanization // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2009. Vol. 12. № 6. P. 731–746. DOI:10.1177/1368430209343297
32. *Giner-sorolla R., Russell P.S.* Not just disgust: Fear and anger also relate to intergroup dehumanization // *Collabra: Psychology*. 2019. Vol. 5. № 1. P. 1–21. DOI:10.1525/collabra.211
33. *Goff P.A., Eberhardt J.L., Williams M.J., Jackson M.C.* Not yet human: implicit knowledge, historical dehumanization, and contemporary consequences // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2008. Vol. 94. № 2. P. 292–306. DOI:10.1037/0022-3514.94.2.292
34. *Gwinn J.D., Judd C.M., Park B.* Less power = less human? Effects of power differentials on dehumanization // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2013. Vol. 49. № 3. P. 464–470. DOI:10.1016/j.jesp.2013.01.005
35. *Harris L.T., Fiske S.T.* Dehumanizing the lowest of the low: Neuroimaging responses to extreme out-groups // *Psychological Science*. 2006. Vol. 17. № 10. P. 847–853. DOI:10.1111/j.1467-9280.2006.01793.x
36. *Haslam N.* Dehumanization: An integrative review // *Personal and Social Psychology Review*. 2006. Vol. 10. № 3. P. 252–264. DOI:10.1207/s15327957pspr1003
37. *Haslam N., Bain P.* Humanizing the self: Moderators of the attribution of lesser humanness to others // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2007. Vol. 33. № 1. P. 57–68. DOI:10.1177/0146167206293191

38. *Haslam N., Bain P., Douge L., Lee M., Bastian B.* More human than you: attributing humanness to self and others // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2005. Vol. 89. № 6. P. 937–950. DOI:10.1037/0022-3514.89.6.937
39. *Haslam N., Bastian B., Bissett M.* Essentialist beliefs about personality and their implications // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2004. Vol. 30. № 12. P. 1661–1673. DOI:10.1177/0146167204271182
40. *Haslam N., Loughnan S.* Dehumanization and infrahumanization // *Annual Review of Psychology*. 2014. Vol. 65. № 1. P. 399–423. DOI:10.1146/annurev-psych-010213-115045
41. *Haslam N., Loughnan S., Kashima Y., Bain P.* Attributing and denying humanness to others // *European Review of Social Psychology*. 2008. Vol. 19. № 1. P. 55–85. DOI:10.1080/10463280801981645
42. *Haslam N., Loughnan S., Sun P.* Beastly: What makes animal metaphors offensive? // *Journal of Language and Social Psychology*. 2011. Vol. 30. № 3. P. 311–325. DOI:10.1177/0261927X11407168
43. *Iatridis T.* Occupational status differences in attributions of uniquely human emotions // *British Journal of Social Psychology*. 2013. Vol. 52. № 3. P. 431–449. DOI:10.1111/j.2044-8309.2011.02094.x
44. *Jost J.T., Banaji M.R., Nosek B.A.* A Decade of System justification theory: Accumulated evidence of conscious and unconscious bolstering of the status quo // *Political Psychology*. 2004. Vol. 25. № 6. P. 881–919. DOI:10.1111/j.1467-9221.2004.00402.x
45. *Koval P., Laham S.M., Haslam N., Bastian B., Whelan J.A.* Our flaws are more human than yours // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2012. Vol. 38. № 3. P. 283–295. DOI:10.1177/0146167211423777
46. *Leyens J.-P., Demoulin S., Vaes J., Gaunt R., Paladino P.M.* Infra-humanization: The wall of group differences // *Social Issues and Policy Review*. 2007. Vol. 1. № 1. P. 139–172. DOI:10.1111/j.1751-2409.2007.00006.x
47. *Leyens J.P., Rodriguez-Perez A., Rodriguez-Torres R., Gaunt R., Paladino M.P., Vaes J., Demoulin S.* Psychological essentialism and the differential attribution of uniquely human emotions to ingroups and outgroups // *European Journal of Social Psychology*. 2001. Vol. 31. № 4. P. 395–411. DOI:10.1002/ejsp.50
48. *Leyens Jacques-Philippe, Paladino P.M., Rodriguez-Torres R., Vaes J., Demoulin S., Rodriguez-Perez A., Gaunt R.* The emotional side of prejudice: The attribution of secondary emotions to ingroups and outgroups // *Personality and Social Psychology Review*. 2000. Vol. 4. № 2. P. 186–197. DOI:10.1207/S15327957PSPR0402_06
49. *Loughnan S., Haslam N.* Animals and androids: Implicit associations between social categories and nonhumans // *Psychological Science*. 2007. Vol. 18. № 2. P. 116–122. DOI:10.1111/j.1467-9280.2007.01858.x
50. *Loughnan S., Haslam N., Kashima Y.* Understanding the relationship between attribute-based and metaphor-based dehumanization // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2009. Vol. 12. № 6. P. 747–762. DOI:10.1177/1368430209347726
51. *Martin J., Bennett M., Murray W.S.* A developmental study of the infrahumanization hypothesis // *British Journal of Developmental Psychology*. 2008. Vol. 26. P. 153–161. DOI:10.1348/026151007X216261
52. *Matsumoto D., Hwang H.S.* Culture and emotion: The integration of biological and cultural contributions // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2012. Vol. 43. № 1. P. 91–118. DOI:10.1177/0022022111420147
53. *Morris K.L., Goldenberg J., Boyd P.* Women as animals, women as objects: Evidence for two forms of objectification // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2018. Vol. 44. № 9. P. 1302–1314. DOI:10.1177/0146167218765739
54. *Motyl M., Hart J., Pyszczynski T.* When animals attack: The effects of mortality salience, infrahumanization of violence, and authoritarianism on support for war // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2010. Vol. 46. № 1. P. 200–203. DOI:10.1016/j.jesp.2009.08.012

55. *Paladino M.-P., Leyens J.-P., Rodriguez R., Rodriguez A., Gaunt R., Demoulin S.* Differential association of uniquely and non-uniquely human emotions with the ingroup and the outgroup // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2002. Vol. 5. № 2. P. 105–117. DOI:10.1177/13630202005002539
56. *Paladino M.P., Vaes J.* Ours is human: on the pervasiveness of infra-humanization in intergroup relations // *The British Journal of Social Psychology*. 2009. Vol. 48. P. 237–251. DOI:10.1348/014466608X322882
57. *Park J., Haslam N., Kashima Y.* Relational to the core: Lay theories of humanness in Australia, Japan, and Korea // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2012. Vol. 43. № 5. P. 774–783. DOI:10.1177/0022022111414417
58. *Pereira C., Vala J., Leyens J.P.* From infra-humanization to discrimination: The mediation of symbolic threat needs egalitarian norms // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2009. Vol. 45. № 2. P. 336–344. DOI:10.1016/j.jesp.2008.10.010
59. *Prati F., Crisp R.J., Meleady R., Rubini M.* Humanizing outgroups through multiple categorization // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2016. Vol. 42. № 4. P. 526–539. DOI:10.1177/0146167216636624
60. *Renger D., Mommert A., Renger S., Simon B.* When less equal is less human: Intragroup (dis) respect and the experience of being human // *Journal of Social Psychology*. 2016. Vol. 156. № 5. P. 553–563. DOI:10.1080/00224545.2015.1135865
61. *Rodriguez-Perez A., Delgado-Rodriguez N., Betancor-Rodriguez V., Leyens J.P., Vaes J.* Infra-humanization of outgroups throughout the world. The role of similarity, intergroup friendship, knowledge of the outgroup, and status // *Anales De Psicologia*. 2011. Vol. 27. № 3. P. 679–687.
62. *Rothbart M., Taylor M.* Category labels and social reality: Do we view social categories as natural kinds? // *Language, Interaction and Social Cognition* / In G.R. Semin, K. Fiedler (Eds.). Sage Publications. 1992. P. 11–36. DOI:10.1002/casp.2450040509
63. *Rozin P., Haidt J., McCauley C.R.* Disgust // *Handbook of Social Psychology* / In S.T. Fiske, D.T. Gilbert, G. Lindzey (Eds.). Wiley, 2010. Vol. 5. P. 797–832.
64. *Tajfel H., Turner J.C.* The social identity theory of intergroup behavior // *The psychology of intergroup relations* / In S. Worchel, W.G. Austin (Eds.). Nelson-Hall, 1986. P. 7–24.
65. *Tam T., Hewstone M., Cairns E., Tausch N., Maio G., Kenworthy J.* The impact of intergroup emotions on forgiveness in Northern Ireland // *Group Processes and Intergroup Relations*. 2007. Vol. 10. P. 119–136. DOI:10.1177/1368430207071345
66. *Terskova M.A., Agadullina E.R.* Dehumanization of dirty workers and attitudes toward social support // *Journal of Applied Social Psychology*. 2019. Vol. 49. № 12. P. 767–777. DOI:10.1111/jasp.12633
67. *Unkelbach C., Fiedler K., Bayer M., Stegmüller M., Danner D.* Why positive information is processed faster: The density hypothesis // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2008. Vol. 95. № 1. P. 36–49. DOI:10.1037/0022-3514.95.1.36
68. *Vaes J., Heflick N.A., Goldenberg J.L.* “We are people”: Ingroup humanization as an existential defense // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2010. Vol. 98. № 5. P. 750–760. DOI:10.1037/a0017658
69. *Vaes J., Leyens J.P., Paladino M.P., Miranda M.P.* We are human, they are not: Driving forces behind outgroup dehumanisation and the humanisation of the ingroup // *European Review of Social Psychology*. 2012. Vol. 23. № 1. P. 64–106. DOI:10.1080/10463283.2012.665250
70. *Vaes J., Paladino M.P.* The uniquely human content of stereotypes // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2010. Vol. 13. № 1. P. 23–39. DOI:10.1177/1368430209347331
71. *Vaes J., Paladino P., Puvia E.* Are sexualized women complete human beings? Why men and women dehumanize sexually objectified women // *European Journal of Social Psychology*. 2011. Vol. 41. № 6. P. 774–785. DOI:10.1002/ejsp.824

72. Viki G.T., Abrams D. Infra-humanization: Ambivalent sexism and the attribution of primary and secondary emotions to women // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2003. Vol. 39. № 5. P. 492–499. DOI:10.1016/S0022-1031(03)00031-3
73. Viki G.T., Fullerton I., Raggett H., Tait F., Wiltshire S. The role of dehumanization in attitudes toward the social exclusion and rehabilitation of sex offenders // *Journal of Applied Social Psychology*. 2012. Vol. 42. № 10. P. 2349–2367. DOI:10.1111/j.1559-1816.2012.00944.x
74. Weisel O., Bohm R. “Ingroup love” and “outgroup hate” in intergroup conflict between natural groups // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2015. Vol. 60. P. 110–120. DOI:10.1016/j.jesp.2015.04.008
75. Wohl M.J.A., Hornsey M.J., Bennett S.H. Why group apologies succeed and fail: Intergroup forgiveness and the role of primary and secondary emotions // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2012. Vol. 102. № 2. P. 306–322. DOI:10.1037/a0024838
76. Zebel S., Zimmermann A., Tendayi Viki G., Doosje B. Dehumanization and guilt as distinct but related predictors of support for reparation policies // *Political Psychology*. 2008. Vol. 29. № 2. P. 193–219. DOI:10.1111/j.1467-9221.2008.00623.x

Информация об авторах

Агадуллина Елена Рафиковна, кандидат психологических наук, доцент, департамент психологии факультета социальных наук, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1505-1412>, e-mail: eagadullina@hse.ru

Information about the authors

Elena R. Agadullina, PhD, Associate Professor, School of Psychology, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1505-1412>, e-mail: eagadullina@hse.ru

Получена 11.05.2020

Принята в печать 08.04.2021

Received 11.05.2020

Accepted 08.04.2021